

Анатолий Анин, Родион Аюмов

ДОВСЕ – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?..

Статья первая

...Шел ноябрь 1999 года. Расцветшая огнями Вена уже готовилась к Рождеству.

Во дворце Хофбург, где всего пару недель назад успешно завершились переговоры по адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (знатоки именуют его коротко – ДОВСЕ), выстроилась довольно большая разноязыкая очередь. Молодые и убеленные сединами дипломаты и военные из трех десятков стран НАТО и бывшего Варшавского Договора с энтузиазмом раскупали футболки с репродукцией картины Репина «Бурлаки на Волге» и надписью: «It was a long haul but we made it»¹. Возможно, у кого-то из них этот остроумный сувенир сохранился и по сей день.

В эйфории от завершения нелегкой работы, которой было отдано три года их жизни и немалое количество сил и нервов, эти люди рассчитывали на короткий рождественский привал на переговорах и едва ли задумывались тогда о том, что вся история ДОВСЕ – это борьба с течением времени. Тем более не могли они представить себе, что привал затянется на долгие годы, а неумолимое и коварное течение вскоре унесет далеко назад результаты их труда, и десятилетие спустя уже новому поколению переговорщиков, по-прежнему совсем не похожих на репинских бурлаков, придется вновь браться за лямку, чтобы вместе спасти режим европейского контроля над обычными вооружениями на основе адаптированного ДОВСЕ... Или все же создавать на его месте что-то новое?

(Из рассказа очевидца)

Проблема контроля над обычными вооружениями традиционно привлекала гораздо меньшее внимание политиков, ученых и общественности, чем, скажем, перипетии сокращения стратегических наступательных вооружений. Всплески интереса к ней, как правило, были связаны лишь с поворотными пунктами в развитии этого процесса – подписанием ДОВСЕ и Соглашения об адаптации ДОВСЕ, приостановлением действия Договора Россией.

Возможно, современному европейцу этот вопрос кажется периферийным хотя бы потому, что широкомасштабный военный конфликт на континенте с массированным применением бронетехники, артиллерии и авиации воспринимается как кошмар военных планировщиков эпохи холодной войны, совершенно невозможный в наши дни.

Между тем, порой (как это было во время натовской кампании против Югославии в 1999 г.) жизнь сурово напоминает, что попытки военно-силового решения проблем остаются реальностью и в Европе. Соответственно, с точки зрения национальной и ев-

А
Н
А
Л
И
З

ропейской безопасности сохраняется актуальность задачи ограничения военных потенциалов, являющихся материальной основой подобных конфликтов, а также создания адекватных механизмов обмена информацией и контроля. По существу, контроль над вооружениями наряду с собственно оборонными усилиями становится для России одним из основных способов защиты интересов безопасности в военной сфере, причем наименее затратным.

С учетом этого анализ и обобщение предыстории, опыта подготовки, выполнения и адаптации ДОВСЕ, а также борьбы вокруг дальнейшей судьбы режима контроля над обычными вооружениями в Европе могут представлять интерес не только для практиков, вовлеченных в соответствующие переговоры, но и для исследователей, занимающихся проблемами европейской безопасности. При этом авторы стремились «смотреть на... вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии прошло, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»².

ДЕВЯНОСТО ЛЕТ ПРЕДЫСТОРИИ: ОТ ГААГИ ДО ВЕНЫ

Первые попытки подступиться к вопросу об ограничении – как количественном, так и качественном – вооруженных сил в Европе были предприняты Россией еще в конце XIX в., в период подготовки Первой Гаагской мирной конференции (1899 г.).

В межвоенный период много сделало в этой сфере Советское государство, уже на Генуэзской конференции 1921 г. предложившее обсудить вопрос о всеобщем разоружении, инициировавшее проведение в декабре 1922 г. Московской конференции по сокращению вооружений с участием Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии и Польши и с 1927 г. активно участвовавшее в переговорах под эгидой Лиги наций. Можно вспомнить в связи с этим и рассмотрение вопроса о разоружении на генеральной конференции по ограничению и сокращению вооружений (1932–1934 гг.). Однако на рубеже 1933–1934 гг. в Европе началась безудержная гонка вооружений. Форсированная подготовка к новой мировой войне, а затем и сама эта война на многие годы исключили возможность сокращения и ограничения вооружений.

К решению этой задачи удалось вернуться лишь в послевоенный период. Уже в 1945–1948 гг. СССР провел поэтапную демобилизацию личного состава своих Вооруженных сил. В феврале 1947 г. были заключены мирные договоры с Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией, военные положения которых ограничивали численность войск и количество вооружений этих стран, запрещали им производить некоторые виды оружия.

В то же время в условиях начавшейся холодной войны Советский Союз был вынужден сохранить в Европе крупную сухопутную группировку. По существу она (и в особенности группы советских войск на территориях стран Центральной и Восточной Европы) выполняла функции противовеса ядерной монополии США.

Тем не менее, уже в те годы Советский Союз выступил с рядом крупных инициатив в области сокращения войск и вооружений, в принципиальном плане продолжавших предвоенную линию на всеобщее и полное разоружение. В основном они выдвигались в рамках Организации Объединенных Наций и имели глобальный охват, однако, безусловно, в полной мере затрагивали и вооруженные силы, дислоцированные в Европе. В отдельных случаях на основе этих инициатив принимались резолюции ГА ООН. Но дальше этого продвинуться не удавалось.

С созданием 14 мая 1955 г. Организации Варшавского Договора в советской политике в области разоружения появился и отчетливый европейский акцент. Так, уже на первом заседании Политического консультативного комитета (ПКК) этой организации в 1956 г. выдвигалась идея создания в Европе зоны ограничения и инспекции вооружений. В январе 1958 г. СССР были выдвинуты также относившиеся к Центральной Европе предложения о ликвидации на чужих территориях военных баз и о сокращении численности иностранных войск, находящихся на территории европейских стран, а также о мерах

по предотвращению внезапного нападения (создание контрольных постов, проведение инспекций и аэрофотосъемки)³.

Принятие на вооружение ракетно-ядерных средств позволило Советскому Союзу и его союзникам, параллельно с выдвиганием инициатив в области разоружения, предпринять во второй половине 50-х гг. целый ряд крупных сокращений своих Вооруженных сил. Так, в период с 1955 по 1960 г. вооруженные силы государств-участников Варшавского Договора были в одностороннем порядке сокращены на 3796,5 тыс. человек⁴. Но в условиях сложной международной обстановки эти инициативы не смогли получить сколько-нибудь серьезного развития.

Лишь начавшаяся в 70-е гг. разрядка международной напряженности, а также достижение военно-стратегического паритета с США сделали возможным начало предметных переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений и связанных с этим мерах в Центральной Европе⁵. Планировалось, что будущее соглашение будет охватывать как войска центральноевропейских стран, так и размещенные на их территориях иностранные силы. Конкретные меры по сокращению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе должны были быть тщательно разработаны по объему и времени так, чтобы во всех отношениях и в любой момент они соответствовали принципу нанесения ущерба безопасности какой-либо из сторон⁶.

Переговоры велись в Вене с 30 октября (предварительные консультации – с 31 января) 1973 г. по 2 февраля 1989 г. На них было внесено немало предложений (авторство примерно 15 из них принадлежало странам Варшавского Договора). Однако обозначившиеся с самого начала существенные расхождения в позициях сторон⁷ и начавшееся в конце 70-х похолодание в отношениях Востока и Запада не позволили достичь практических договоренностей. На последнем этапе переговоры велись в значительной мере *по инерции*. А в середине 80-х, после выработки Стокгольмского документа переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности (1986 г.) и особенно с началом работы над мандатом переговоров об обычных вооруженных силах в Европе (1987 г.), фокус регионального контроля над вооружениями окончательно сместился с Центральной Европы на зону, когда-то обозначенную Шарлем де Голлем как *Европа от Атлантики до Урала*.

В результате продолжавшиеся более полутора десятилетий венские переговоры по Центральной Европе завершились принятием заявления, передававшего эстафету начинавшимся через месяц переговорам по обычным вооруженным силам в Европе. Тем не менее, накопленный в их ходе опыт (в том числе и негативный) был учтен сторонами при подготовке этого нового форума, что в значительной мере способствовало созданию на нем деловой, конструктивной атмосферы, позволило избежать бесплодной *цифровой дискуссии*.

Однако впервые реально действующая целостная система договоренностей в области контроля над вооружениями в Европе в своих основных чертах сформировалась на рубеже 80-х–90-х гг. прошлого века, на исходе эпохи противостояния Варшавского Договора и НАТО.

Уже к середине 80-х гг. руководству стран Варшавского Договора и НАТО стало очевидно, что попытки укрепления собственной безопасности на пути продолжения гонки вооружений, в том числе и обычных, ведут в тупик. Осознание этого и явилось побудительным мотивом начала процесса ограничения и сокращения обычных вооруженных сил в Европе.

Во второй половине 80-х гг., с началом перестройки в СССР, усилиям в этой области был придан новый импульс. Тогдашнее советское руководство пришло к выводу, что необходимость в остававшейся со времен ядерной монополии США мощной группировке вооруженных сил в этом регионе свелась к минимуму. Дальнейшее ее поддержание в практически неизменном виде наносило ущерб социально-экономическому развитию СССР, отвлекало силы от качественного совершенствования армии и флота, создавало дополнительные проблемы в отношениях с Западом и с союзниками по Варшавскому Договору, способствовало сплочению НАТО на антисоветской основе.

В этом свете принятие советской стороной в конце 80-х гг. XX в. концепции сокращения обычных вооруженных сил ОВД и НАТО в Европе до равных предельных уровней было в принципе не только неизбежным, но и давно назревшим решением.

Первым официальным шагом в этом направлении стало выступление М.С. Горбачева в Берлине 17 апреля 1986 г. В нем содержалось предложение договориться о значительном сокращении всех компонентов сухопутных войск и тактической ударной авиации европейских государств, а также соответствующих сил США и Канады, размещенных в Европе. Сокращаемые войсковые соединения подлежали бы расформированию, а их вооружения – уничтожению либо складированию на национальных территориях. Географическая зона сокращений определялась как территория всей Европы – от Атлантики до Урала⁸.

Это заявление послужило началом целой серии инициатив СССР и его союзников. Они последовательно выдвигались на высшем и высоком уровне в течение 1986–1988 гг., постепенно намечая контуры, а затем и детали подхода стран ОВД к проблеме обычных вооруженных сил в Европе. Так, уже в 1987 г. советская сторона вплотную подошла к принятию концепции равных конечных уровней вооружений для Варшавского Договора и НАТО, проявила готовность вести переговоры в условиях транспарентности военных потенциалов и обозначила необходимость учета субрегиональной специфики.

Новым крупным шагом в развитии совместной позиции государств-участников Варшавского Договора стало принятое на совещании в июле 1988 г. Заявление о переговорах по сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Европе. Речь шла уже не только об устранении дисбалансов и асимметрий, но и о гораздо более глубоких сокращениях (страны НАТО восприняли эту идею несколько позже). Что же касается содержащихся в этом документе положений об обмене информацией и инспекциях, то они во многом учитывали положения заключенного незадолго до этого Договора о РСМД, обозначившего прорыв в обеспечении транспарентности в военной сфере.

В начале 1989 г. были опубликованы данные государств-участников Варшавского Договора о соотношении численности Вооруженных сил и вооружений ОВД и НАТО в Европе и прилегающих акваториях. Они позволяли охарактеризовать военный баланс в регионе как не дающий возможности той или другой стороне рассчитывать на решающее военное преимущество⁹. В то же время сопоставление приведенных данных с аналогичным документом стран НАТО показывало, что различия в методике подсчета чреватой бесплодной *цифровой дискуссией*. В результате становилась очевидной задача выработки согласованных определений категорий вооружений и техники и правил их счета.

Демонстрируя свою готовность делом укреплять процесс формирования новой модели обеспечения безопасности, СССР 7 декабря 1988 г. объявил о своем решении в одностороннем порядке и вне связи с переговорами в ближайшие два года сократить свои Вооруженные силы на 500 тыс. человек при одновременном существенном сокращении обычных вооружений. В европейской части территории СССР и на территориях его европейских союзников советские Вооруженные силы уменьшались на 10 тыс. танков, 8,5 тыс. артистем, 800 боевых самолетов. Аналогичные решения о сокращении в одностороннем порядке своих вооруженных сил были приняты и другими союзными странами. В результате советско-чехословацких и советско-венгерских переговоров в начале 1990 г. были достигнуты договоренности о полном выводе советских войск с территории Венгрии и Чехословакии к середине 1991 г.¹⁰.

Что касается стран НАТО, то они в период с 1986 г. до начала 1989 г. фактически вели речь об устранении дисбалансов по танкам, артиллерии и бронемашинам. При этом имелась в виду необходимость сокращения только со стороны стран Варшавского Договора. Обоснованию такого подхода призвана была служить публикация в ноябре 1988 г. документа НАТО «Обычные силы в Европе: факты». Более реалистическая позиция, основанная на признании взаимности сокращений, была принята в рамках Альянса лишь в конце 1988 – начале 1989 г.¹¹.

НА ИЗЛЕТЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ХРОНИКА ПЕРЕГОВОРОВ ОБ ОВСЕ

17 февраля 1987 г. в Вене начались неофициальные консультации 23 государств-членов ОВД и НАТО по выработке мандата переговоров о сокращении обычных вооруженных сил в Европе. В ходе консультаций решались такие проблемы, как состав участников переговоров, их цели и методы, охват и район применения, обмен информацией и контроль, процедурные вопросы, характер будущих соглашений.

Сложнее всего было достичь консенсуса по вопросу об охвате и районе применения. Например, на консультациях было условлено, что предметом переговоров станут «обычные вооруженные силы участников, включающие обычные вооружения и технику, размещенные на суше, в пределах территории участников в Европе от Атлантики до Урала»¹². Однако договориться по таким *легким* вопросам, какие вооружения считать *обычными* и где заканчивается *Европа*, было непросто. Дискуссии продолжались практически до самого завершения консультаций.

Несмотря на все эти сложности, 10 января 1989 г. мандат будущих переговоров был принят. В нем, в частности, отмечалось, что их целями являются установление безопасного и стабильного баланса обычных вооруженных сил на более низких уровнях; ликвидация неравенств, наносящих ущерб стабильности и безопасности; ликвидация, в порядке приоритета, потенциала для осуществления внезапного нападения и для начала крупномасштабных наступательных действий. При этом все участники обязались вносить вклад в достижение этих целей¹³.

Разумеется, положения мандата носили самый общий характер, но они задавали принципиальные направления будущей работы.

9 марта 1989 г. в Вене на уровне министров иностранных дел были открыты переговоры 23 государств ОВД и НАТО по обычным вооруженным силам в Европе (1989–1990 гг.).

Переговоры были непростыми¹⁴. Они проходили на фоне радикальных изменений ситуации в области европейской безопасности – вывода советских войск из государств Центральной Европы, начала дезинтеграции Варшавского Договора и объединения Германии. Однако на этом форуме с самого начала сложилась деловая атмосфера, позволившая быстро – менее чем за два года – прийти к взаимоприемлемым договоренностям.

Уже в начале первого раунда переговоров государства-участники Варшавского Договора выдвинули масштабную концептуальную схему договоренности по обычным вооруженным силам в Европе, базировавшуюся на положениях Заявления варшавского совещания ПКС. Она, в частности, предусматривала поэтапное сокращение обычных вооруженных сил сторон в период с 1991 по 1996–1997 гг. до пределов разумной достаточности¹⁵.

Первоначальные предложения стран НАТО были менее масштабными. Они предусматривали сокращение лишь трех категорий вооружений – танков, артиллерии и бронемашин – до равных уровней, которые были бы несколько ниже исходного уровня НАТО, в то время как страны Варшавского Договора предложили сокращать также численность личного состава вооруженных сил, ударные боевые самолеты фронтовой (тактической) авиации и боевые вертолеты¹⁶.

В дальнейшем начался процесс постепенного сближения позиций сторон.

Новая важная стадия переговоров была начата 14 декабря 1989 г., когда государства-участники Варшавского Договора и члены НАТО представили свои проекты будущего Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Тем самым было положено начало согласованию конкретных формулировок. Следует отметить, что между двумя проектами существовало значительное концептуальное сходство, близки они были и по структуре¹⁷.

В течение нескольких месяцев был согласован ряд статей Договора, регулирующих его ратификацию, вступление в силу, срок действия, внесение поправок и другие вопросы международно-правового характера. Параллельно началась работа над протокола-

ми об информации, инспекциях и о порядке сокращения обычных вооружений, которые впоследствии стали неотъемлемой частью Договора¹⁸.

Постепенно складывалось взаимопонимание сторон и по таким сложным взаимосвязанным вопросам, как *региональная дифференциация* и учет складированных вооружений. Непросто решался вопрос о том, какие именно категории вооружений должны подлежать ограничению (особенно остро он стоял применительно к авиации).

Наиболее сложные проблемы (например, уровни вооружений для одного отдельно взятого государства, подуровни для *флангового* района и некоторые другие) были в основном решены в ходе встречи министров иностранных дел СССР и США в Нью-Йорке (сентябрь 1990 г.). Согласование многих технических вопросов (особенно в сфере обмена информацией и контроля) продолжалось вплоть до последних дней перед подписанием Договора.

Договор об обычных вооруженных силах в Европе был подписан в Париже 19 ноября 1990 г. Одновременно была принята Совместная декларация 22 государств-участников Варшавского Договора и НАТО, в которой отмечалось, что они больше не являются противниками¹⁹.

ДОГОВОР... О ЧЕМ?

Попытаемся теперь проанализировать содержание ДОВСЕ.

Договор в его изначальном виде отражал *реалии завершающего этапа эпохи межблокового противостояния*. Так, его участниками стали 6 государств, подписавших Варшавский Договор 1955 г. (к моменту подписания ДОВСЕ ГДР уже прекратила существование), и 16 государств, подписавших или присоединившихся к Брюссельскому договору 1948 г. или Вашингтонскому договору 1949 г. По факту участия в этих военно-политических союзах были сформированы две группы государств-участников Договора²⁰.

В основе ДОВСЕ лежала система количественных ограничений на пять основных категорий обычных вооружений и техники в обычных вооруженных силах государств-участников в районе применения Договора – боевые танки, боевые бронированные машины (ББМ), артиллерию, ударные вертолеты и боевые самолеты.

Центральными являлись лимиты на ограничиваемые Договором вооружения и технику (ОДВТ) каждой из групп государств-участников в районе применения в целом – 20 000 танков (в том числе 16 500 в регулярных частях, остальные в обозначенных местах постоянного складского хранения (ОМПСХ)), 30 000 ББМ (в том числе 27 300 в регулярных частях), 20 000 артиллерийских единиц (в том числе 17 000 в регулярных частях), 6800 боевых самолетов и 2000 ударных вертолетов²¹.

Важным элементом Договора стали так называемые зональные (региональные) ограничения на танки, ББМ и артиллерию (жесткая позиция стран НАТО, ссылавшихся в качестве препятствия на высокую мобильность авиации, не позволила применить эти ограничения к боевым самолетам и ударным вертолетам)²². Целью введения этих ограничений было понижение плотности вооружений в полосах соприкосновения ОВД и НАТО. Отсюда – концепция концентрических зон по принципу *матрешки*: ОДВТ можно перемещать от линии соприкосновения к периферии, но не наоборот.

Установление ограничений для зон, которые можно обозначить как *расширенная Центральная Европа* и *Центральная Европа*, только по ОДВТ в регулярных частях отвечало, прежде всего, интересам США и НАТО. С одной стороны, эти ограничения требовали существенного сокращения обычных вооружений ОВД на территориях ГДР, Чехословакии, Венгрии, Польши (хотя судьба групп советских войск в этих странах к моменту подписания ДОВСЕ уже была в принципе предрешена), а также ПрибВО, БВО, ПрикВО и КВО. С другой – они не затрагивали несколько дивизионных комплектов вооружений, хранившихся на американских складах в Германии. Впрочем, в последующие годы техника с этих складов, предназначенная для частей, перебрасываемых из США в случае угрозы *большой войны*, была из Европы выведена.

В отдельную зону с жесткими ограничениями был выделен так называемый фланговый район, включавший обширные территории на севере и юге Европы. Причиной такого решения послужили опасения обеих сторон в отношении того, что силы, отведенные от линии соприкосновения НАТО и Варшавского Договора в Центральной Европе, могут быть передислоцированы на фланги. При этом для включенной в район применения ДОВСЕ территории СССР было установлено несколько подуровней, также препятствовавших дополнительному развертыванию крупных сил на флангах. Они были достаточно высокими и в целом позволяли решать задачи обеспечения безопасности страны за счет маневра силами и средствами в пределах флангового района. Последующее развитие событий показало, что такая схема оказалась неудачной, однако это стало ясно лишь после прекращения существования Варшавского Договора и СССР.

Кроме того, по настоянию стран НАТО в результате непростых переговоров было установлено так называемое *правило достаточности*, предусматривавшее, что любое отдельно взятое государство-участник может иметь не более чем примерно одну треть от общих количеств ОДВТ в районе применения, то есть 13 300 танков, 20 000 БМ, 13 700 артсистем, 5150 боевых самолетов и 1500 ударных вертолетов²³. Прежде всего это было направлено на ограничение военного потенциала СССР (на момент подписания ДОВСЕ он имел в Европе около 22 000 танков, 31 500 БМ, 15 000 артсистем, 1500 ударных вертолетов и 6600 боевых самолетов). В целом такие ограничения не противоречили имевшимся на тот момент планам строительства Вооруженных сил СССР и договоренностям, выработанным в рамках Варшавского Договора.

Уровни, установленные в Договоре для групп государств-участников, были распределены внутри этих групп. Так, государства-участники Варшавского Договора заключили в Будапеште соответствующее соглашение, по которому Советскому Союзу выделялось 13 150 боевых танков, 20 000 БМ, 13 175 артиллерийских систем, 5150 боевых самолетов и 1500 ударных вертолетов. Увеличение каким-либо государством таких *национальных квот ОДВТ* (в Договоре они называются *максимальные уровни для наличия*) было возможно лишь за счет соответствующего их уменьшения другим участником ДОВСЕ из той же группы²⁴.

Предусмотрены в Договоре и некоторые стабилизирующие меры. Так, установлен особый режим для ОМПСХ, исключающий внезапное изъятие ОДВТ из хранения и передачу в регулярные части²⁵. С тем чтобы снизить способность сторон к крупномасштабному форсированию водных преград, прежде всего в Центральной Европе, в Договоре содержалось и ограничение на количество танковых мостоукладчиков в регулярных частях каждой группы государств-участников (740 единиц). Остальные танковые мостоукладчики помещались в ОМПСХ с соответствующим режимом²⁶. Предусматривались и меры, воспрепятствующие обходу положений ДОВСЕ за счет не ограничиваемых им боевых машин пехоты в силах внутренней безопасности²⁷.

Неотъемлемой частью Договора, обеспечивающей контроль за соблюдением его положений, являлась система уведомлений и обмена детальной информацией об обычных вооруженных силах²⁸. Основным инструментом контроля за выполнением Договора были инспекции на местах. В дополнение к инспекциям участники Договора подтвердили право каждого из них использовать национальные и многонациональные технические средства контроля и согласились не чинить помех этим средствам²⁹. В целом режимы обмена информацией и контроля по ДОВСЕ по своей интрузивности были сопоставимы с аналогичными режимами в рамках Договора о РСМД, а по количественному охвату намного их превосходили.

Для рассмотрения связанных с ДОВСЕ вопросов был создан специальный орган – Совместная консультативная группа (СКГ).

Договор является бессрочным. Предусмотрена возможность его дополнения последующим договором. Он подлежал ратификации всеми государствами-участниками³⁰. Ряд его положений применялся на временной основе с момента подписания ДОВСЕ³¹.

Неотъемлемой частью Договора стали протоколы и приложения, призванные обеспечить техническую сторону его эффективного соблюдения³².

Вне рамок ДОВСЕ, но в связи с его подписанием были сделаны три политически обязывающие декларации:

- ❑ все государства-участники обязались не увеличивать численность личного состава своих обычных вооруженных сил в Европе на период последующих переговоров;
- ❑ правительство ФРГ с учетом обязательств, принятых в связи с объединением Германии, заявило об ограничении численности бундесвера уровнем в 370 000 человек, из них в сухопутных войсках и ВВС – 345 000 человек;
- ❑ участники Договора согласились ограничить самолеты морской авиации наземного базирования уровнем в 430 единиц для группы государств-участников и в 400 единиц – для одного государства-участника.

Разумеется, с позиций нынешнего дня ДОВСЕ образца 1990 г. не только не отвечает интересам безопасности нашей страны, но и является сугубо *виртуальным*, практически не имеющим отношения к реальной военно-политической обстановке в Европе. Однако причина тому – отнюдь не *непрофессионализм* советских переговорщиков (в сложной ситуации конца 80-х – начала 90-х они, пожалуй, сделали максимум возможного), а те тектонические геополитические сдвиги, которые начались вскоре после подписания Договора.

ДОГОВОР ПОДПИСАН, ПОРА ЕГО КОРРЕКТИРОВАТЬ

Процесс уточнения, корректировки договорных положений, их эволюционного приспособления к меняющейся военно-политической обстановке начался уже летом 1991 г.

Так, на чрезвычайной конференции 14 июля 1991 г. было достигнуто компромиссное решение по вызвавшей разногласия проблеме советских Вооруженных сил береговой обороны, морской пехоты и ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Правительство СССР приняло юридические обязательства не наращивать *спорных* вооружений и дополнительно сократить такое количество танков, БМ и артсистем, какое имело в береговых войсках ВМФ, а также предоставлять по ним информацию и принимать в местах их размещения инспекции по требованию. Правительства других стран согласились с тем, что из-под договорных ограничений будет выведен 1801 бронетранспортер частей охраны РВСН³³.

В тот же день на заседании СКГ представитель СССР сделал политически обязывающее заявление в отношении судьбы обычных вооружений, выведенных за Урал до подписания ДОВСЕ (более 50 тыс. ед.). Оно отражало существовавшие тогда планы дальнейшего использования этой техники; в частности, имелось в виду уничтожения 6000 танков, 1500 БМ и 7000 артсистем³⁴.

В связи с предоставлением независимости Эстонии, Латвии и Литве и их вступлением в СБСЕ государства-участники Договора в октябре 1991 г. признали, что район его применения не включает территорию этих прибалтийских стран, а СССР обязался рассматривать все свои охватываемые Договором обычные вооружения на этих территориях как по-прежнему подпадающие под договорные положения³⁵. При этом советская сторона, соглашаясь на это достаточно спорное с юридической точки зрения решение, исходила из того, что после вывода Северо-Западной группы войск (СЗГВ) страны Балтии станут *де-факто* демилитаризованными неблоковыми государствами. Впоследствии, однако, их вступление в НАТО породило не охваченную контролем над вооружениями *серую зону* на границах России, что противоречило смыслу ДОВСЕ и стало одной из причин приостановления нашей страной действия Договора.

Сложная проблема встала перед участниками Договора в связи с прекращением существования Советского Союза. В результате тяжелых переговоров 15 мая 1992 г. восемь постсоветских государств, чья территория входит в район применения ДОВСЕ (Россия, Украина, Белоруссия, Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия и Казахстан), подписали в Ташкенте Соглашение о принципах и порядке выполнения ДОВСЕ³⁶. Соглашение формально так и не вступило в силу, но его участники на протяжении многих лет в основном придерживались его положений. Ключевое из них – распределение совет-

ских максимальных уровней для наличия военной техники. Так, Российской Федерации было выделено 6400 танков (4975 из них в регулярных частях), 11 480 БМ (10 525), 6415 артсистем (5105), 3450 боевых самолетов и 890 ударных вертолетов³⁷. Эти квоты почти без изменений просуществовали до 2000 г.

На основе принятых в Ташкенте решений 5 июня 1992 г. в Осло состоялась чрезвычайная конференция государств-участников ДОВСЕ, закрепившая юридический статус правопреемников СССР в отношении ДОВСЕ³⁸. (По аналогичной схеме решались в начале 1993 г. вопросы, связанные с прекращением существования Чехословакии³⁹.)

Параллельно с решением этой непростой проблемы велись переговоры о численности личного состава обычных вооруженных сил в Европе, завершившиеся 10 июля 1992 г. подписанием в Хельсинки на высшем уровне их Итогового акта, имеющего политически обязывающий характер. Этот документ ограничивает численность личного состава по штатам мирного времени (для Российской Федерации – 1 450 000 чел.), регулирует вопросы пересмотра ограничений, обмена информацией, контроля/оценки, устанавливает меры стабилизации (уведомления об увеличении численности частей и о призыве резервного личного состава) и механизмы рассмотрения его положений⁴⁰.

С июля 1992 г. ДОВСЕ в полном объеме применялся на временной основе, а 9 ноября того же года официально вступил в силу.

Подводя итог первого этапа функционирования Договора (ноябрь 1990 – ноябрь 1992 гг.), можно прийти к следующему выводу.

ДОВСЕ подвел черту под эпохой межблокового противостояния. Договор устанавливал равновесие сил двух союзов на пониженных уровнях, ограничивал возможности размещения их обычных вооружений вдоль линии соприкосновения ОВД и НАТО. Он обеспечивал высокую степень транспарентности в отношении обычных вооруженных сил государств – участников Договора, что позволило осуществлять военное планирование и строительство, исходя не из *наихудшего сценария*, а из реальных тенденций развития обстановки. Применительно к ВС СССР имелось в виду сделать их более мобильными, компактными и эффективными, избавившись от устаревших вооружений и техники.

Оценивая роль Договора на этом этапе, В.В. Путин отметил, что он «позволил провести быстрое и сбалансированное сокращение большого количества избыточных вооружений и техники, доставшихся государствам-участникам в наследство от времен холодной войны, помог пережить без потрясений эпохальные изменения военно-политического ландшафта Европы»⁴¹.

Однако с прекращением существования ОВД, а затем и СССР, выводом советских/российских войск из ЦВЕ, Балтии и республик СНГ, возникновением ряда очагов конфликтов, а впоследствии и с расширением НАТО договорные механизмы, предназначенные для поддержания баланса сил между двумя военно-политическими союзами, стали утрачивать эффективность.

ФЛАНГОВЫЙ ДЕБЮТ РОССИИ

Наиболее остро после вступления Договора в силу встала так называемая проблема фланговых ограничений.

Фланговая зона была создана с тем, чтобы исключить опасную концентрацию выведенных из Центральной Европы обычных вооружений в других местах соприкосновения стран НАТО и бывшего Варшавского договора, а позднее – бывшего СССР. В эту зону вошли территории Болгарии, Румынии, Молдавии, Греции, Турции, Грузии, Армении, Азербайджана, Исландии, Норвегии, а также части территории Украины и России. В ней вводился более жесткий ограничительный режим, который не создавал особых проблем для Советского Союза, но оказался совершенно неприемлемым для Российской Федерации.

Во-первых, после распределения советских квот на ОДВТ между государствами-правопреемниками СССР Россия получила право иметь на флангах не более 1300 танков (из них в регулярных частях – 700), 1380 БМ (580), 1680 артсистем (1280)⁴². Учитывая размеры *флангового района*, его геополитическое значение и другие факторы, такие уровни следовало признать явно недостаточными.

Во-вторых, если до развала СССР Северо-Кавказский военный округ (СКВО) рассматривался как тыловой, имевший минимальное количество вооружений, то с 1992 г. обстановка в этом районе стала крайне напряженной, что потребовало от России адекватного военного присутствия в интересах обеспечения внутренней и региональной безопасности.

В-третьих, фланговые ограничения вызвали для России серьезные осложнения экономического и социального плана, связанные с выводом войск с территорий других государств. Благоприятные условия для размещения этих войск существовали именно в СКВО и южной части ЛенВО.

В этих условиях российской стороной были предприняты усилия по снятию фланговой проблемы⁴³.

Компромиссное решение было в конечном итоге найдено и закреплено в документах первой Конференции по рассмотрению действия ДОВСЕ (Вена, май 1996 г.)⁴⁴. Оно предусматривало уменьшение размеров российской части флангового района и уточнение уровней вооружений для него, что реально позволяло увеличить возможности России по содержанию ОДВТ в *старом* фланговом районе после 31 мая 1999 г. как минимум на 500–650 танков (в регулярных частях – на 1100–1200), 600–650 БМ (1400–1450), 800–850 артсистем (1200–1250). В то же время эти возможности можно было реализовать в основном в отделяемых от флангового района внутренних областях; уровни же для *нового* флангового района, где находились основные *горячие точки*, оставались неприемлемо низкими.

По большому счету, главное достоинство *фланговой договоренности* 1996 г. заключалось для России в том, что она, устанавливая достаточно высокие уровни обычных вооружений в северных и южных районах страны на промежуточный период (с июня 1996 по май 1999 г.), тем самым на три года снимала остроту фланговой проблемы и дала возможность вести переговоры по дальнейшему *разжатию* фланговых ограничений. Правда, за это пришлось *заплатить* предоставлением дополнительной информации и приемом 10 дополнительных инспекций в год за счет инспектирующей стороны⁴⁵.

Другим важным итогом первой Конференции по рассмотрению действия ДОВСЕ стало изменение условий выполнения Россией своих обязательств по сокращению обычных вооружений и техники в счет выведенных за Урал. Выполнение заявленных Советским Союзом в 1991 г. планов в этой области в новых экономических условиях стало невозможным. В конце концов, страны НАТО были вынуждены согласиться с новыми, облегченными условиями (продление сроков, подключение к процессу сокращений Казахстана и Узбекистана, упрощенные процедуры признания техники сокращенной и т.д.)⁴⁶. В совокупности с другими решениями, принятыми в СКГ в период с 1993 по 1996 г., это дало значительную экономию в процессе сокращения вооружений.

Наконец, решения Конференции открыли путь к всеобъемлющей адаптации ДОВСЕ к изменившимся европейским реалиям, о чем речь пойдет ниже.

Суммируя итоги второго этапа функционирования Договора (1993–1996 гг.), следует отметить, что главным его содержанием стала борьба Российской Федерации за изменение тех положений ДОВСЕ и связанных с ним документов, которые в связи с прекращением существования СССР в наибольшей степени вошли в противоречие с интересами безопасности и экономическими возможностями России.

АДАПТАЦИЯ ДОВСЕ: ШЕСТЬ ЛЕТ В ПЯТИ АБЗАЦАХ

Уже с конца 1993 – начала 1994 г. российская сторона начала глубокую проработку перспективных проблем Договора. На основе проведенного анализа был разработан и вне-

сен на рассмотрение государств-участников Договора целый *пакет* российских предложений по комплексной модернизации ДОВСЕ⁴⁷. Он включал 12 основных элементов, центральными из которых были идеи преобразования ДОВСЕ в договор, открытый для всех европейских государств, перехода на национальные уровни ОДВТ и установления *правила достаточности* для военно-политических союзов.

Идея необходимости адаптации Договора была впервые, хотя и с оговорками, принципиально отражена государствами-участниками в решениях Первой конференции по рассмотрению действия ДОВСЕ⁴⁸. А уже в декабре 1996 г. в рамках встречи ОБСЕ на высшем уровне в Лиссабоне был согласован документ об охвате и параметрах переговоров по адаптации⁴⁹. Сами же переговоры начались 21 января 1997 г. в рамках СКГ.

Детальный анализ хода переговоров мог бы стать предметом отдельного объемного исследования, отражающего не только их *основную интригу* – взаимодействие России со странами НАТО, но и особенности позиций других активных участников этого процесса – Азербайджана, Армении, Болгарии, Грузии, Молдавии, Румынии, Украины и других стран. Достаточно подробно и объективно он освещен в ряде российских⁵⁰ и зарубежных⁵¹ публикаций. Отметим лишь, что первый их этап – концептуальная дискуссия – проходил параллельно с разработкой основополагающего акта Россия–НАТО. Отсюда очевидна принципиальная связь двух соглашений – адаптированный ДОВСЕ закреплял материальные гарантии безопасности России в новых условиях, в рамочной форме отраженные в разделе IV основополагающего акта.

23 июля 1997 г. СКГ приняла Решение № 8/97 о некоторых основных элементах адаптации Договора⁵². В нем была изложена основная структура адаптированного ДОВСЕ, включающая систему национальных и территориальных предельных уровней (НПУ и ТПУ), призванную заменить систему ограничений, рассчитанную на две группы государств-участников.

30 марта 1999 г. СКГ приняла Решение № 3/99⁵³ об адаптации ДОВСЕ, содержащее практически полный набор положений Соглашения об адаптации ДОВСЕ. С этого момента делегации в основном перешли от обсуждения принципиальных моментов к разработке конкретных юридических формулировок Соглашения.

О ЧЕМ ЖЕ ДОГОВОРИЛИСЬ В СТАМБУЛЕ?

Результатом переговоров стало подписание 19 ноября 1999 г. в Стамбуле Соглашения об адаптации ДОВСЕ.

В чем его суть и отличие от первоначального Договора?

Главное в адаптированном ДОВСЕ – это трансформация зонально-групповой основы Договора (по признаку членства в военных союзах времен холодной войны) в систему национальных (для всех категорий ОДВТ) и территориальных (для наземных сил) уровней для каждого государства-участника. Установлены довольно жесткие правила изменения тех и других. Вместо пяти прежних географических зон, на которые был разбит район применения Договора, введена жесткая *сотовая* сеть территориальных ограничений: 28 территориальных уровней – по числу европейских государств – участников Договора, а также два *фланговых* подуровня на территории России и Украины⁵⁴.

Новая система устанавливала *потолки* для размещения наземных ОДВТ, ограничивала *переливы* ОДВТ между государствами, нейтрализовывала угрозы создания потенциалов для проведения крупномасштабных наступательных операций и, таким образом, повышала стабильность и предсказуемость. Режим адаптированного ДОВСЕ ориентирован на укрепление безопасности каждого государства-участника, независимо от принадлежности к военно-политическим союзам.

Центр Европы охватывался стабилизирующими мерами: устанавливались пониженные территориальные уровни вооружений Польши, Венгрии, Чехии и Словакии; территориальные уровни этих стран, а также Германии, Украины и Белоруссии не могли пересма-

триваться в сторону повышения. Страны НАТО обязались не размещать на постоянной основе существенные боевые силы на территории новых членов⁵⁵.

В целом суммарный объем *прав* старых членов НАТО по сравнению с прежними *потолками* вооружений Альянса значительно сокращался.

Право на так называемое чрезвычайное временное развертывание (ЧВР) – оговоренное в Соглашении об адаптации право государства-участника на временное развертывание на своей территории до 459 танков, 723 БМ и 420 артсистем другого или других государств-участников сверх установленных уровней наземных ОДВТ – обставлялось надежными политическими ограничителями и сопровождалось дополнительными мерами транспарентности и контроля⁵⁶. Кроме того, включение в Соглашение положений о ЧВР стало возможным лишь в связи с существенным понижением уровней сил новых членов НАТО.

В адаптированном Договоре устанавливались более жесткие национальные ограничения для ударных вертолетов и боевых самолетов, включая случаи передачи авиационной техники одним государством другому.

Была сохранена и так называемая *фланговая зона*. В ней был предусмотрен особый режим, цель которого – создать более жесткие гарантии недопущения дестабилизирующей концентрации обычных вооружений и техники. В частности, на флангах запрещалось проводить ЧВР, а перераспределение национальных и территориальных уровней было разрешено только между государствами, входящими в эту зону⁵⁷. При подписании Соглашения об адаптации было достигнуто понимание о том, что Россия может придерживаться новых фланговых уровней.

Это был шаг вперед по сравнению с Фланговым документом 1996 г., а тем более с Ташкентским соглашением 1992 г. Завершение активной фазы второй чеченской кампании позволило России уже через два года после Стамбула вписаться в согласованные уровни. Однако с политической точки зрения сохранение фланговых ограничений для части территории России является дискриминационным, а с практической – препятствует перемещению сил и средств в пределах России, в том числе и в целях борьбы с терроризмом. С учетом этого в нынешней ситуации сохранение этих ограничений не отвечает интересам России, и она добивается их полной отмены.

Новое качество адаптированного Договора – охват ограничительным, инспекционным и информационным режимами динамических изменений ОДВТ. В нем четко зафиксированы абсолютные пределы для временного превышения территориальных предельных уровней в кризисных ситуациях⁵⁸. Подлежали уведомлению и контролю все значимые в военном отношении трансграничные перемещения наземных ОДВТ⁵⁹. Предусмотренные Договором дополнительные меры транспарентности позволяли надежно отслеживать соблюдение национальных уровней для боевых самолетов и ударных вертолетов и любое существенное усиление воздушных группировок в Европе⁶⁰.

Существенно уточнены и дополнены положения Договора, касающиеся инспекционного режима. В частности, квота инспекций увеличивалась примерно на треть, а также вводился новый тип инспекций – для контроля временных превышений ТПУ⁶¹.

Усилена политическая составляющая адаптированного ДОВСЕ. Так, предусмотрены специальные конференции для случаев чрезвычайных временных развертываний с последующим информированием Постоянного Совета ОБСЕ и возможностью принятия надлежащих политических мер для урегулирования ситуаций, связанных с этим развертыванием⁶². Таким способом адаптированный Договор встраивался в инструментарий ОБСЕ по предотвращению кризисов и постконфликтному восстановлению.

Адаптированному ДОВСЕ придан открытый характер. К нему допускалось присоединение всех государств – членов ОБСЕ, имеющих территорию в Европе⁶³. Имелось в виду, что проекция режима Договора на всю Европу от Атлантики до Урала позволила бы еще больше укрепить его значение как главного инструмента обеспечения европейской стабильности и военной безопасности, создало бы дополнительные возможности для стабилизации ситуации в конфликтных районах средствами контроля над обычными вооружениями.

Параллельно с подписанием Соглашения об адаптации ДОВСЕ и в связи с ним был принят Заключительный акт переговоров по адаптации ДОВСЕ⁶⁴. В нем приняты к сведению заявления ряда государств, касающиеся их односторонних политических обязательств:

- ❑ заявление Совета НАТО и представителей Венгрии, Польши и Чехии от 8 декабря 1998 г. о подтверждении ранее взятых на себя странами НАТО обязательств по сдержанности в уровнях и развертывании сил⁶⁵;
- ❑ заявление России о сдержанности в отношении размещения обычных вооруженных сил в Калининградской и Псковской областях⁶⁶;
- ❑ заявления Венгрии, Польши, Словакии и Чехии об их обязательствах относительно будущего понижения их территориальных предельных уровней⁶⁷;
- ❑ заявления Белоруссии, Венгрии, Германии, Польши, Словакии, Украины и Чехии об их обязательствах относительно отказа от последующего повышения их территориальных предельных уровней⁶⁸;
- ❑ заявление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 1999 г. о временном превышении фланговых подуровней⁶⁹;
- ❑ совместное заявление России и Грузии от 17 ноября 1999 г. о российских военных базах и ОДВТ в Грузии⁷⁰;
- ❑ заявление Молдавии о ее отказе от права принимать временное развертывание на своей территории⁷¹;
- ❑ обязательство России вывести российские ОДВТ из Молдавии или уничтожить их к концу 2001 г.⁷²;
- ❑ обязательство всех государств-участников оперативно предпринять усилия для содействия завершению процедур ратификации, с тем чтобы Соглашение об адаптации могло вступить в силу как можно скорее⁷³.

Попытаемся дать оценку значения Соглашения об адаптации с учетом того, что основными задачами переговоров российская сторона определила *разжатие* фланговых ограничений и выработку механизмов, минимизирующих военные последствия *первой волны* расширения НАТО в части, касающейся обычных вооруженных сил.

Последняя задача решалась путем фиксации в тексте Соглашения и сопутствующих документов следующих элементов.

Во-первых, суммарное сокращение национальных уровней вооружений 19 стран НАТО по сравнению с прежними возможностями составляло около 4800 танков, 4000 бронемашин и более 4000 артсистем, что соответствовало вооружению примерно 10 отмотбализованных дивизий натовского стандарта. Это достигалось в основном за счет снижения возможностей по усилению группировки сухопутных войск США в Европе. Так, по танкам объем прав США уменьшался более чем наполовину (с 4000 до 1800).

Во-вторых, вводилась жесткая система национальных и территориальных ограничений, которая была призвана не допустить опасных концентраций сил НАТО.

В-третьих, существенно – в три раза – сокращены возможные временные превышения территориальных уровней во *фланговых* государствах НАТО (Болгарии, Греции, Исландии, Норвегии, Турции), ограничена возможность изменения этих уровней.

В-четвертых, устанавливались пониженные территориальные уровни вооружений для Польши, Венгрии, Чехии и Словакии. Территориальные уровни этих стран, а также Германии не могли пересматриваться в сторону повышения.

В-пятых, страны НАТО предоставили политические гарантии военной сдержанности – воздерживаться от «дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил, как наземных, так и воздушных» на территориях новых членов Альянса.

В-шестых, Соглашение открывало возможность охвата режимом ДОВСЕ тех государств, которые до сих пор не были его участниками (в том числе натовских *новобранцев*).

В-седьмых, установленные Соглашением режимы обмена информацией и контроля позволяли своевременно выявлять любые сколько-нибудь значительные трансграничные переброски бронетехники и артиллерии (с батальонного уровня) и ее сосредоточения с превышением территориальных ограничений (с бригадного уровня).

Все это вместе взятое существенно нивелировало негативные последствия *первой волны* расширения НАТО для безопасности России и европейской стабильности в целом. Подчеркнем, именно *первой волны*, поскольку продолжение этого процесса вновь обострило ситуацию.

Адаптированный ДОВСЕ также значительно увеличивал российские возможности на флангах. В результате работы, начатой в 1993–1996 гг. и продолженной в ходе переговоров по адаптации (1997–1999 гг.), удалось:

- вывести из-под фланговых ограничений российские обычные вооружения на территориях Армении, Грузии, Молдавии и Украины, а также в Астраханской, Волгоградской, Псковской областях, восточной части Ростовской области и на ремонтном заводе в станице Кущевская Краснодарского края;
- существенно повысить уровни вооружений для оставшихся во фланговом районе частей Ленинградского и Северо-Кавказского военных округов (например, по бронемашинам в регулярных частях – с 580 до 2140, то есть почти в четыре раза);
- сохранить за Россией право усиливать группировку в беспокойных южных районах страны за счет стабильной северной зоны.

В то же время модернизированный Договор явился результатом компромисса. Поэтому важно объективно и беспристрастно оценить и то, чего достичь в ходе переговоров не удалось. Такие оценки в суммированном виде сводятся к следующему.

России пришлось пойти на сохранение фланговых ограничений. Не удалось ввести прямые ограничения на суммарный военный потенциал стран НАТО и охватить территориальными ограничениями авиацию. Менее жесткими, чем изначально рассчитывала российская сторона, оказались ограничения на временные развертывания ОДВТ, а также предельные уровни для новых членов НАТО⁷⁴.

В целом же Соглашение об адаптации отвечало интересам России в значительно большей степени, чем первоначальный ДОВСЕ⁷⁵.

Таким образом, основным содержанием третьего этапа функционирования ДОВСЕ (1996–1999 гг.) стала его адаптация к новым европейским военно-политическим реалиям. Эта задача была в целом решена подписанием Соглашения об адаптации ДОВСЕ (Стамбул, 19 ноября 1999 г.).

Вторая статья об истории и перспективах переговорного процесса по обычным вооруженным силам в Европе будет опубликована в следующем номере журнала.

Примечания

¹ Это был долгий переход, но мы совершили его (англ.).

² Ленин В.И. О государстве. ПСС, т. 39. с. 67.

³ Сборник основных предложений и документов по вопросу о разоружении. М.: ОМО МИД СССР, 1960. С.189–191.

⁴ Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы: Справочник/Отв. ред. Б.М. Клименко. М.: Междунар. отношения, 1990. С. 91–92.

⁵ В интервью журналу *Новое Время* в конце 80-х гг. маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев отмечал, что примерно тогда же в Министерстве обороны СССР прорабатывалась возмож-

- ность сокращения вооруженных сил, но после кончины министра обороны А.А. Гречко этот вопрос был снят с повестки дня.
- ⁶ За мир, разоружение и безопасность народов: Летопись внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1983. С. 256–257.
- ⁷ Там же. С. 257.
- ⁸ Всеобъемлющая международная безопасность. С. 93.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 98.
- ¹² Мандат переговоров по обычным вооруженным силам в Европе. Вена, 1989. С. 28.
- ¹³ Там же. С. 27.
- ¹⁴ См. Hartmann R., Heydrich W., Meyer-Landrut N. Der Vertrag über konventionelle Streitkräfte in Europa. Vertragswerk, Verhandlungsgeschichte, Kommentar, Dokumentation. [Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Текст договора, история переговоров, комментарии, документы.] Baden-Baden, Nomos, 1994.
- ¹⁵ Всеобъемлющая международная безопасность. С. 98–99.
- ¹⁶ Там же. С. 99.
- ¹⁷ Там же. С. 100.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802–2002: В 3 т. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 2. С. 479.
- ²⁰ Договор об обычных вооруженных силах в Европе. М.: Воениздат, 1992. С. 5.
- ²¹ Там же. С. 10–11.
- ²² Там же. С. 11–15.
- ²³ Там же. С. 15.
- ²⁴ Там же. С. 15–16.
- ²⁵ Там же. С. 20–22.
- ²⁶ Там же. С. 23–24.
- ²⁷ Там же. С. 24.
- ²⁸ Там же. С. 25, 75–101.
- ²⁹ Там же. С. 25–26, с. 102–141.
- ³⁰ Там же. С. 28, 30.
- ³¹ Там же. С. 144.
- ³² Там же. С. 31–144.
- ³³ Treaty on Conventional Armed Forces in Europe and Related Documents. The Hague, 1996. P. 149–151.
- ³⁴ Ibid. P. 182–183.
- ³⁵ Ibid. P. 152–153.
- ³⁶ Договор об обычных вооруженных силах в Европе. С. 167–179.
- ³⁷ Там же. С. 173.
- ³⁸ Там же. С. 145–152.
- ³⁹ Treaty on Conventional Armed Forces in Europe and Related Documents. P. 164–172.
- ⁴⁰ Договор об обычных вооруженных силах в Европе. С. 153–166.
- ⁴¹ Заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина по случаю десятилетия подписания Договора об обычных вооруженных силах в Европе (19 ноября 2000 г.). *Дипломатический Вестник*. 2000. № 12.
- ⁴² Договор об обычных вооруженных силах в Европе. С. 173.

- ⁴³ Апанасенко В.М., Мостинский С. Б., Ознобищев С. К. Договор об обычных вооруженных силах в Европе и Россия – поиски выхода из тупика. М.: Московский центр Карнеги, 1995. С. 12–14, 38–39. Подробнее см.: Колесников М.П. Проблема флангов и будущее Договора об обычных вооруженных силах. *Красная Звезда*. 1994, 19 апреля.
- ⁴⁴ Treaty on Conventional Armed Forces in Europe and Related Documents. P. 6–10.
- ⁴⁵ Ibid. P. 9–10.
- ⁴⁶ Ibid. P. 15–16.
- ⁴⁷ Выступления главы делегации Российской Федерации в СКГ В.Н. Кулебякина от 19 марта 1996 г. и 23 апреля 1996 г.
- ⁴⁸ Treaty on Conventional Armed Forces in Europe and Related Documents. P. 6.
- ⁴⁹ Документ, принятый Государствами-участниками Договора об обычных вооруженных силах в Европе, относительно охвата и параметров процесса, предусмотренного в пункте 19 Итогового документа Первой конференции по рассмотрению действия Договора об ОБСЕ (Приложение 1 к Журналу 244-го заседания СКГ от 1 декабря 1996 г.).
- ⁵⁰ См., напр.: Главное управление международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации (1951–2000 гг.). Военно-исторический очерк. М., 2001. С. 170.
- ⁵¹ См., напр.: Hartmann R., Heydrich W. Op. cit.
- ⁵² Decision of the Joint Consultative Group Concerning Certain Basic Elements for Treaty Adaptation (JCG.DEC/8/97 of 23.07.1997).
- ⁵³ Решение № 3/99 Совместной консультативной группы от 30.03.1999 (JCG.DEC/3/99 of 30.03.1999).
- ⁵⁴ Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. М.: Изд. МО РФ, 2000. С. 6–13, 26–29.
- ⁵⁵ Там же. С. 142–145, 147–153.
- ⁵⁶ Там же. С. 13–15.
- ⁵⁷ Там же. С. 28–29.
- ⁵⁸ Там же. С. 14, 28–29.
- ⁵⁹ Там же. С. 47–49, 51.
- ⁶⁰ Там же. С. 51–52.
- ⁶¹ Там же. С. 82–83, 108–114.
- ⁶² Там же. С. 24.
- ⁶³ Там же. С. 22–23.
- ⁶⁴ Там же. С. 139–155.
- ⁶⁵ Там же. С. 139.
- ⁶⁶ Там же. С. 140, 146.
- ⁶⁷ Там же. С. 140, 142–145.
- ⁶⁸ Там же. С. 140, 147–153.
- ⁶⁹ Там же. С. 140.
- ⁷⁰ Там же. С. 140, 155.
- ⁷¹ Там же. С. 140, 154.
- ⁷² Там же. С. 140.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Мухин В., Прошкин В. Установлен новый расклад сил в Европе. *Независимое Военное Обозрение*. 1999, 10 декабря.
- ⁷⁵ Ивашов Л.Г. Нам удалось отстоять российские интересы. *Красная Звезда*. 1999, 10 декабря.